

Браки свершались в кружках

СЛОЕ

Ярославской библиотеке имени Лермонтова произошло очередное знаменитое чудо. Началось всё просто, собрались как всегда на традиционную вечернюю встречу гости библиотеки: и давние, постоянно её читатели, и те, кто пришёл сюда впервые. А дальше... Легко и естественно, без всяких спецэффектов, а только с помощью ведущей-рассказчицы Светланы Николаевны Левагиной вступило в свои права «осмнадцатое столетие».

Впрочем, по трезвому разуму времени в этом ещё не было бы ничего особенного, если бы... Если бы слушатели после вечера, обогащённые новыми знаниями, и только в том-то и дело, что они бы, как сами потом признались, обогащённые счастьем! Светлана Николаевна, улыбаясь, в самом начале встречи так прямо и сказала: «Сегодня мы будем говорить о счастье».

А между тем говорили мы тот вечер об одной практически забытой, вернее известной только специалистам, странице русской культуры — последней трети восемнадцатого века. Речь шла о литературном кружке Николая Львова.

Кто же он был, Николай Львов, — человек, который едва живым с лишним лет после своей смерти сумел подарить счастье своим соотечественникам, хотя бы тем из них, кто пришёл в тот вечер в библиотеку?

Николай Александрович Львов более всего известен архитектором. И в Петербурге, и в окрестностях, и в Тверской губернии, откуда он был родом, стоят и поныне построенные им храмы, усадебные дома и многие другие, самые красивые сооружения. А ещё он был поэтом и прозаиком, педагогом, музыкантом, композитором и драматургом (писал комические оперы), собирателем русских народных песен, художником-графиком, историком, археологом, ботаником... А ещё — изобретателем печи с вентиляцией; той, которая и сейчас ещё покрыва-

ют дома; и многого другого. А ещё — деятелем нарождающейся русской промышленности: добыча каменного угля на Валдайской возвышенности, торфоразработки, какая-нибудь «огненная машина» на чугунном заводе — всё это результат кипучей деятельности Львова. Был он человеком большого ума и тонкого вкуса — писатели, балетмейстеры, музыканты пользовались его советами. Но главное — был он личностью, от которой шли сильнейшие импульсы добра, любви, сердечного веселья и дружбы — горячего, искреннего, самоотверженного дружества.

Вокруг такого человека, естественно, сложился кружок творческих людей. Одного из них все знают — это Гавриил Романович Державин. Двое других постоянных членов кружка — поэт и драматург Василий Васильевич Капнист и баснописец Иван Иванович Хемницер — известны в наше время гораздо меньше. Но из круга русской культуры они и сейчас не ушли.

Недаром на книжной выставке к вечеру была представлена только что напечатанная в «Новой газете» рецензия на премьеру московского театра «Эрмитаж» — спектакль-фарс «Капнист туда и обратно». Сюжет спектакля вырос из исторического анекдота, связанного с комедией Капниста «Ябеда», и реакцией на неё императора Павла I. И оказалось, что всё это по-прежнему актуально — и сатира, и бичуемые ею пороки, и монаршие гнев и милость, и беззащитность русского интеллигента...

Памятник Николаю Львову в городе Торжке.

А басни Хемницера! Попробуйте почитать их, как это сделала Светлана Николаевна на нашем вечере, и вы убедитесь, что хоть язык их на наш вкус и архаичен, но живая и смешливая мысль легко пробивается сквозь архаику к нашему уму и сердцу.

О Державине, о современном (пусть далеко не массовом) восприятии его поэзии прекрасно сказал Булат Окуджава: «Запах столетнего мё-

да, // слова и золота вязь... // Оды державинской мода // снова в цене поднялась». Великий Державин! Но все ли знают, что как поэт он нашёл себя и состоялся именно в кружке Львова? В атмосфере этого кружка, где люди умели восхищаться друг другом, и критиковать жёстко, но с любовью к автору, и помогать друг другу дорабатывать сочинения, потому что чувствовали себя в ответе перед потомка-

ми — и за русскую поэзию, и друг за друга. В этой атмосфере умы и таланты зажигались один от другого. Недаром многие люди, и не только писатели, тянулись к этому кружку, среди них и баснописец Иван Дмитриев, и художники Левицкий и Боровиковский, и композитор Фомин.

В этом кружке об руку с дружбой царилась любовь. Настоящая, без подделок, та, при которой «браки совершаются на небесах». Любовь Николая Львова к прекрасной Машеньке Дьяковой прошла многие испытания: категорический отказ родителей Марии, тайное венчание с помощью друга Капниста, долгое ожидание возможности соединения и, наконец, счастье! А любовь Ивана Хемницера к той же Машеньке Дьяковой осталась неразделённой, но — любовью. Нежность и горечь этой любви не нарушили его дружбу с Львовым. Эти люди умели любить и дружить. И вечер в библиотеке получил название по строчке из стихотворения Капниста: «Дружество с любовью нежной...»

А помните пушкинское послание декабристам в Сибирь: «Любовь и дружество до вас // Дойдут сквозь мрачные затворы». Не строчка ли Капниста вспомнилась Пушкину? Не луч ли светлый протянулся сквозь тьму сурового, как всегда в России, времени от друзей Львова к друзьям Пушкина?

А вечер наш был к тому же ещё и юбилейным. Он посвящён юбилею книги: 230 лет назад в России вышли в свет «Басни и сказки N... N...». За таинственными инициалами скрывался Иван Хемницер, который эту свою книгу, возникшую в атмосфере львовского кружка, посвятил «М. А. Д.» — ну, конечно же, Марии Алексеевне Дьяковой...

Обо всём этом мы узнали на вечере благодаря Светлане Николаевне Левагиной, сотруднику ярославской областной юношеской библиотеки. Рассказ её был поистине вдох-

новенным, а люди, о которых она говорила, казалось, были её личными близкими друзьями. Их любовь и дружество прошли через её ум и сердце. Их внутренняя свобода и творческая щедрость отозвались в том, как легко по ходу рассказа она делилась своими открытиями. Ну, например, известно, что Николай Львов перевёл Анакреона — древнегреческого поэта, воспевавшего любовь. И вот Светлана Николаевна читает этот перевод из Анакреона и одновременно мы видим на слайде портрет Марии Дьяковой работы Левицкого. Описание любимой женщины Анакреона в переводе совпадает с портретом любимой женщины Львова один к одному! И от этого нам, слушателям, тепло и радостно.

И ещё одна великолепная догадка Светланы Николаевны. Старик Державин и юный Пушкин, читающий «Воспоминания в Царском Селе». Не потому ли Державин, по словам Ивана Пущина, «в восторге, со слезами на глазах бросился целовать и осенил кудрявую голову» Пушкина, что не только почувствовал поэтический гений, но и увидел в этом мальчике отсвет своей молодости, ощутил дуновение любви и дружества из безвозвратного для него далека, из львовского кружка...

Пройдёт время, и Пушкин напишет: «Друзья мои, прекрасен наш союз! // Он как душа неразделим и вечен...» Пушкин обращался к своим лицейским друзьям, но, может быть, в этих строчках вся русская поэзия, подняв Пушкина на своих плечах, смогла довести до совершенства мысль о любви и дружестве, так пленительно выраженную в атмосфере кружка Николая Львова.

Люди этого кружка умели быть счастливыми! Частичка этого умения в один из вечеров 2009 года обогатила и нас.

Ирина ШИХВАРГЕР.